

моихъ, я за необходимое почелъ сдѣлать путешествіе въ верхнюю Италію; именно: во Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ, и въ особенности въ Венецію. Но среди сихъ многихъ усилій къ изученію живописи, среди частыхъ болѣзней, время моего пенсіонерства быстро протекло, и я вижу себя въ совершенномъ отчаяніи, не успѣвъ удовлетворить почтеннѣйшее Общество, мнѣ благодѣтельствовавшее, никакимъ произведеніемъ моего искусства. Пребуду въ полномъ отчаяніи еще болѣе, если принужденъ найдусь тотчасъ покинуть всѣ начатки моего ученія, и безъ плодовъ воротиться на родину. Но, побуждаемый живою ревностью доказать почтеннѣйшему Обществу мои силы, и оправдаться передъ нимъ—самымъ дѣломъ, я бы молилъ его неотступно о продленіи мнѣ пенсіона, обѣщаясь въ непродолжительномъ времени послать картину мою: «Иисусъ, открывающійся Магдалинѣ».

Ободренный новымъ вниманіемъ ко мнѣ высокихъ моихъ покровителей, я бы усугубилъ рвеніе мое къ усовершенствованію себя въ живописи, чтобы со временемъ принести честь какъ почтеннѣйшему Обществу, меня одолжившему, такъ и себѣ собственно.

Предавая себя во всемъ власти моихъ покровителей, имѣю честь пребывать съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ ихъ признательнѣйшимъ питомцемъ.

XXXVII.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ¹⁾.

(Римъ. Весна 1834.)

Я видѣлъ только верхнюю половину каскада Терни, ибо внизъ спускаться было и поздно, и изнурительно для моего

¹⁾ Замѣтки эти, по настоящему, должны бы быть помѣщены между письмами XXIV-мъ и XXV-мъ, но, по ошибкѣ, не попали въ свое мѣсто.

разслабленнаго здоровья. Сначала онъ видится ужасной пучиной, быстро несущейся съ другаго пункта; немного подаѣе, видѣль его уже разбившагося въ пыль... и летящая пѣна, соединяясь съ рососою, кроетъ лилово-сѣдоватымъ цвѣтомъ и зелень, и скалы,—все, подлѣ него находящееся. Неоконченное мое изслѣдованіе каскада наградилося единственнымъ гротомъ: туда спускаются съ сѣномъ и соломою, и, при зажженномъ огнѣ, вы видите ряды или колонны, примкнутыя одна къ другой, разной толщины и вышины,—то одну на другой стоящія, то прямо поднимающіяся въ безобразный куполь свода. Тутъ жили въ древности сивиллы.

Чивитта-Кастеллана имѣеть прекрасныя окрестности, въ особенности къ сторонѣ Терни. Тамъ женщины отличаются юбками, кои, подымая сзади, покрываютъ себѣ головы.

Въ Нарни я видѣль, въ каедральной церкви, картину, весьма сходную съ манерой Людовика Карраччи; тамъ же можно видѣть и другія (картины) древней болонской школы.

Вечеромъ въ Терни была процессія (страстная пятница): впереди черныя маски несли крестъ и пѣли; потомъ тянулись въ два ряда мальчики со свѣчами, сдѣланными фонарями; потомъ шель, въ бѣломъ, усердный христіанинъ, неся крестъ и имѣя босыя ноги—на правой тащилъ за собою цѣпь; за нимъ шли ассистенты; сзади его опять несли крестъ, и опять шель (человѣкъ) въ бѣломъ, неся грузнѣе крестъ, съ ассистентами. Когда же прошли такъ до десяти (лицъ), изъ коихъ у многихъ было на обѣихъ ногахъ по цѣпи, длиною въ двѣ сажени и толщиною въ отверзтую ладонь, то послѣ нихъ несли стеклянный крестъ, съ музыкаю духовою; за ними несли факелы, между коими шли дѣти, наряженные ангельчиками, неся разные атрибуты страданій; потомъ шла полковая музыка; послѣ нея несли голову Іоанна Крестителя, и, наконецъ, появилось духовенство по чинамъ, высоко неся плащаницу, такъ что, стоя внизу, едва можно было замѣтить положеннаго Христа, задернутаго два раза кисеей. Все это заключалось войскомъ.

Въ Сполето я видѣль, въ каедральной церкви, фрески древней живописи, можетъ быть Филиппо Липпи. Тутъ вообще въ церквахъ можно замѣтить много хорошихъ картинъ. Городъ

самъ по себѣ весьма замѣчательнъ—опрятный и какой-то свѣжій. Я, однакожъ, имѣлъ тутъ непрятность: веттуринь было уѣхать безъ меня, и мнѣ пришлось догонять его бѣгомъ.

Фолинью замѣчательнъ монастыремъ и каедральной церковью; въ немъ, однакожъ, нѣтъ отличныхъ произведеній—городъ много потерпѣлъ отъ землетрясенія: нѣтъ улицы, въ которой бы не было распорокъ между домами. Женщины тутъ носить шали, покрывая голову.

Дорога изъ Фолинью въ Кашю весьма занимательна своею горною природою, но мы за то не нашли хорошаго обѣда въ Ногерѣ, ни приличнаго ночлега въ Сиджило. Кали отличается какою-то вѣжливостью жителей; мы не встрѣчали ни одного нищаго. Въ церквахъ находятся картины древней и средней болонской школы—первыя занимательнѣе послѣднихъ. Выѣзжая изъ воротъ, мы осмотрѣли древній мостъ, состоящій изъ одной арки; примкнутыя къ нему зданія, потерявшія верхи свои, выстроены были изъ такихъ же огромныхъ камней, безъ связей.

На половинѣ дороги въ Фосомбронѣ мы проѣхали сквозь тотъ камень, въ которомъ древнѣе выдолбили сообщеніе. Это мѣсто осталось въ совершенной невредимости; изъ камней, выдолбленныхъ изъ скалы, сдѣлавъ небольшой домъ, въ которомъ вѣроятно находились стражи, ибо окрестности сего мѣста весьма дики—по большей части состоятъ изъ голыхъ скалъ, отвѣсно висящихъ надъ шумною рѣчкою Метауро.

Въ Фосомбронѣ я чуть было не соблазнился: прислужницы трактира весьма имѣли правильное расположеніе лицъ и стана; но заповѣдъ моего друга Лапченки побѣдила родившуюся страсть. Въ Фосомбронѣ начинается природа измѣнять характеръ и превращается въ равнины и холмы; строенія тоже имѣютъ какой-то мелкій видъ; арки, тянущіяся вдоль по улицамъ, подъ домами, и служащія защитой пѣшеходамъ отъ дождя, не веселятъ глазъ, привыкшій къ прекрасному и великому; дома съ болѣе возвышенными концами крышъ говорятъ болѣе о домашнемъ удобствѣ, нежели о красотѣ.

Выѣхавъ изъ Фосомбронѣ, мы настигли бурю по дорогѣ, и

остановились въ маленькомъ селѣ для завтрака; буря усиливалась, и мы за дождемъ и ужаснымъ вѣтромъ не видали Фано, съ его славными фресками Доменикино. Вѣтеръ на берегу сердитаго моря столь былъ силенъ, что мы опасались за нашу коляску, грузно сверху навьюченную.

Въ Пезаро мы видѣли въ церквахъ весьма хорошія картины Бароччи и другихъ мастеровъ; въ особенности намъ понравилась древняя живопись, представляющая Мадонну со святыми.....

Мы почевали въ Католико: (это) трактиръ, показывающій своимъ убранствомъ давно прошедшее величіе духовенства, находившагося здѣсь во время спора Аріанъ. Въ Римини мы никакъ не ожидали найти въ церквахъ столь много превосходныхъ картинъ. Арка, воздвигнутая въ честь Августа, весьма сохранена—она богата карнизами; мостъ также находится въ цѣлости. Въ Чезано я былъ, такъ-сказать, очарованъ: церкви, украшенныя картинами того же мастера, что и въ Римини, или той же школы, веселое расположеніе города, дешевизна угощенія въ великолѣпномъ трактирѣ, чудное вино, —все это вселяло въ насъ какой-то восторгъ.

Въ Фаэнца, въ кафедральной церкви, мы нисколько не изумлялись двадцати-лѣтнимъ трудамъ Карла Чиньяни: куполь слишкомъ и малъ, и крутъ. Я тутъ многихъ церквей не видалъ, ибо въ наше присутствіе онѣ были заперты. Въ народѣ примѣтна какая-то унылость: тамъ австрійцы на неослабномъ караулѣ, ибо возмущеніе теплится еще въ народѣ.

Въ Имола мы видѣли, въ церкви, «Доминиканцевъ» Людовика Карраччи, но костюмъ монаховъ сихъ, представленный художникомъ, въ картинѣ мало имѣетъ занимательности.

Женщины въ Романіи отличаются красотой; но я все еще свѣжъ къ заповѣди друга. Кафедральной церкви внутренность есть одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ, какія я когда либо видѣлъ. Ужинъ нашъ оживила дѣвица національной красоты—она пѣла и играла на гитарѣ. Я былъ въ восхищеніи отъ ея зоркихъ взглядовъ и прекрасныхъ зубовъ, показывающихся изъ полуотверзтыхъ устъ, прекрасно сотворенныхъ. Но я опять подъ заповѣдью друга—я не домогался поцѣлуевъ.

Болонья. Народъ здѣсь вообще отличается здоровымъ и крупнымъ видомъ: свѣжестъ лицъ, крѣпкое сложеніе тѣла и опрятность одежды есть неотъемлемое достоинство болоньезцевъ; строгую правильность и заманчивую чувствительность въ лицахъ вы здѣсь напрасно будете искать. Городъ самъ по себѣ скученъ—онъ кажется какимъ-то амбаромъ изъ-за своихъ арокъ, но вѣжливость и честность жителей совершенно выкупаютъ этотъ недостатокъ.

Театръ наружности не имѣетъ, или его фасадъ есть тотъ же амбаръ, коимъ затянута всѣ улицы; внутренность театра отяжелѣна балюстрадамъ, но самый главный недостатокъ находится въ недостаткѣ эхо.

Въ Имола, въ церкви, въ вечерню, передъ концомъ службы, когда священникъ поворачивалъ дары при звукѣ органа, огромный мужикъ закричалъ нѣчто поносное; рѣдкій обратилъ на него вниманіе (можетъ быть потому, что его всѣ знаютъ за такого), но священникъ, поставивъ дары, сказалъ ему вслухъ, что онъ не только будетъ на завтра наказанъ, но и лишится сейчасъ покровительства святой, въ честь которой идетъ служба.

Лучшія картины церквей и дворцовъ, по возвращеніи своемъ въ Италію, собрались здѣсь въ академіи художествъ. «Пьетà» Гвидо принадлежитъ къ феноменамъ живописи: пламенный сынъ неба не былъ ничѣмъ связанъ въ сочиненіи картины—она, такъ-сказать, со всею свѣжестью у него вышла. Иисусъ великолѣпно лежитъ, бокомъ къ зрителю; Матерь его стоитъ надъ нимъ, обратя скорбныя очи къ небу; по бокамъ—ангелы въ скорбящемъ положеніи: тотъ, чтò съ лѣвой стороны, въ особенности отличается легкостью положенія; внизу святые—представлены защитники города Болоньи. Вся картина написана съ одного духа, кажется въ одинъ день. Божественный Гвидо!

Картина «Святая Цецилія» Рафаэля, конечно, всегда будетъ постоянною въ своихъ прелестяхъ. «Избіеніе младенцевъ» Гвидо есть также одна изъ драгоцѣнностей живописи: въ женскихъ головахъ выпечатавъ онъ весь свой даръ небесный!

Во второй залѣ двѣ картины Доменикино включаютъ его

въ число безсмертныхъ, съ именемъ болѣе декорационнаго живописца, нежели строгаго стиля и отдѣлки.

Карраччи силится быть и Кореджіемъ, и Тиціаномъ, и какимъ-то Рафаэло-Бронзино-Микель-Анджело, и какимъ-то прескучно-темнымъ. О подражатели! Лучше бы было, еслибъ ихъ мастера оставались при собственной болоньезской школѣ, которая весьма еще хороша въ фосфорѣ Фонтаны.

Франческо Франчіа, патріархъ живописи болоньезской, если не можетъ считаться на ряду съ величайшими, то, по крайней мѣрѣ, стоитъ тотчасъ за ними: его картины не только носятъ неразвратный стиль, отдѣлку неразлучную, дружную съ правдой, но и отпечатки фізіономій и сѣроватаго колорита лицъ своей націи. Хотя на послѣднее можно сдѣлать возраженіе, ибо многіе святые, и сама Богородица, имъ представленная, не были бѣлолицыми. Прочія картины, украшающія входъ въ галерею, болѣе любопытны по своей старинѣ, чѣмъ по достоинству.

Во многихъ церквахъ и дворцахъ есть фрески Карраччей, на которыя я до того наглядѣлся, что завтра же бѣгу изъ Болоньи, не оглядываясь.

Не понимаю, за чтò Гверчино ставятъ на одну доску съ великими мастерами: его картины суть только этюды съ натуры, по болѣе части самой грубой, писанныя съ большой практикой; колоритъ и сочиненіе доказываютъ самое ограниченное его образованіе и вовсе не утонченныя чувства.

Картины Пармеджанино изъ подъ заплѣснѣвшихъ тоновъ ничего мнѣ порядочнаго не представляютъ.

Вчера я рѣшился найти конецъ корридора отъ воротъ Сарагосскихъ; въ два часа дошелъ до церкви *Madonna della Guardia*, и не любопытствовалъ видѣть ликъ Богородицы, написанный самимъ Лукою. Апеннины отсюда весьма занимательны: три или четыре плана показываютъ ихъ вершинную перспективу, оканчивающуюся мѣднымъ хребтомъ.

Дорога изъ Болоньи въ Феррару самая скучная; говорятъ, что она бываетъ часто опасна разбоями. Представьте небо, отдѣленное линіей горизонта отъ зелени, и вы будете имѣть совершенное понятіе о прескучномъ и безлюдномъ семъ пути.

Феррара—обширный городъ, имѣеть въ двухъ церквахъ двѣ картины Гарофало, и ничего болѣе; людей на широкихъ и длинныхъ улицахъ не встрѣчаешь. Изъ Феррары рано утромъ пустились мы опять въ плоскую равнину, кое-гдѣ разрѣзываемую каналами, и прибыли на рѣку По, гдѣ при сильномъ вѣтрѣ тянулся паромъ нашъ. Послѣ несносной австрийской таможи, мы пустились вдоль по рѣкѣ; вѣтеръ дулъ намъ въ лица непрерывно. За нѣсколько миль до Ровиго мы начали превосходную къ нему дорогу, усаженную съ боку превосходными прямыми высокими деревьями. Въ городѣ мы не ходили—онъ не важень.

На половинѣ дороги въ Падую насъ порадовали горы, къ которымъ мы черезъ нѣсколько времени приблизились. Падуга совсѣмъ не такъ скучна, какъ объ ней говорятъ; мы, впрочемъ, не надѣемся видѣть городъ, ибо завтра рано надобно изъ него выѣхать. Кафѣ Педрокки мы были очарованы: онъ, такъ-сказать, царь всѣхъ кофейныхъ домовъ въ Итали.

Утромъ рано мы пустились въ путь, и въ 10 часовъ уже прибыли въ Фузино, откуда взяли барку, и мало-по-малу приближались къ плавающимъ домамъ Венеціи.

Я пораженъ видомъ дворца и площади св. Марка—это единственно въ своемъ родѣ! Странности и неожиданности безусловно захватываютъ вниманіе, восхищаютъ и заставляютъ на время забыть вкусъ древнихъ. Но вы замѣчаете тутъ же и тюрьмы, и вамъ рассказываютъ про ужасы, тутъ происходившіе, и горькія мысли отравляютъ ваше удовольствіе.

Я еще не успѣлъ осмотрѣть площадь св. Марка; могу только сказать, что она величественно неподражаема, имѣя 245 шаговъ въ длину и 77 въ ширину. Она окружена веселыми благородными лавками, безпрестанными кофейнями, которыя вечеромъ блестятъ огнями, зеркалами и разнородными товарами.

Въ академіи художествъ я былъ пораженъ неожиданно. Эстампы никогда не могутъ дать понятіе о сокровищахъ, здѣсь находящихся: Веронезъ, Тиціанъ, Тинторетто изъ теплыхъ душъ своихъ вылили на холсты откровеніе колорита, ввѣреннаго имъ отечественной природой. Чтò за священный

огонь, что за быстрая жизнь въ ихъ картинахъ! Вдохновенные, они не заимствовались, не руководствовались ни одной школой, и отсюда-то оригиналы сіи безсмертны для потомства.

Академія художествъ въ Венеціи. Здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ Италіи, лучшія картины, возвращенныя изъ Парижа, помѣщены въ академіи художествъ; многіе сюжеты напоминаютъ вамъ о религіи, о пѣсняхъ церковныхъ, а достоинства исполнительнѣйшей части служатъ указателями и наставителями колорита для учащагося юношества, и собраніемъ своимъ доставляютъ любителямъ и путешественникамъ возможность видѣть, спокойно и въ одно время, все, что произвели лучшіе туземные живописцы.

«Вознесеніе на небо Божіей Матери» Тиціана есть, такъ сказать, картина, похищенная изъ самаго рая. Повсюду царствуетъ откровенная теплота разсвѣчиванія и соединенія въ одну массу. Васъ поражаетъ (она), вы, такъ сказать, на нѣкоторое время чувствуете себя выше всего на свѣтѣ, устремивъ вниманіе на славу. Вы забываете низъ и верхъ картины, которые чувствительно уступаютъ срединѣ, столь торжественно воспѣтой Тиціаномъ.

Благородный Парисъ Бордоне доказалъ своимъ «Рыболовомъ», что венеціанской школы картина можетъ быть отдѣлана до *plus ultra* безъ всякой сухости. Гармонія сей картины загадочна: многолюдность фигуръ и платьевъ, вмѣстѣ со строеніемъ дальнимъ и первопланнымъ, доведены до простаго эффекта самымъ гармоническимъ образомъ. Лѣстница, обращенная къ свѣту, покоитъ глазъ обширною массою свѣта; темно-красныя сѣдалища съ платьями голубыми, красноватыми, синеватыми, желтоватыми, утушеваны въ одну темноватую массу, (и) дѣлаютъ эффектъ неподражаемый.

Я видѣлъ въ частной галлерей одну картину сего мастера: «Исуса въ школѣ докторовъ» — тамъ Марія, помѣщенная на второмъ планѣ, дѣлаетъ эффектъ неподражаемымъ.

Павла Веронеза — «Мадонна со многими святыми», что въ Капитоліи.

Тинторетто — «Чудо св. Марка надъ слугою» — картина,

писанная съ необыкновенною силою и смѣлостью. Хороши его же картины въ (церкви) *Madonna del Orto*, въ школѣ Св. Рокка.

Иоанна Беллини сюжетъ и композиція—обыкновенные его времени, т.-е. «Мадонна, сидящая на возвышеніи, въ креслахъ»; сзади ея во всю картину нишь, связывающая и украшающая композицію; съ боковъ, внизу,—святые, стоящіе въ самыхъ простыхъ святыхъ позахъ; у подножія пьедестала—ангелы, хвалящіе на инструментахъ имя Божіе. Картина сія, какъ и другія его въ церквахъ св. Захарія, Спасителя (*Redentore*), доказываютъ высокія дарованія и постоянный трудъ къ развитію тайнъ красокъ масляныхъ, только что изобрѣтенныхъ. Картина его въ церкви *Salvatore*, «Христосъ въ Эмаусѣ», показываетъ совершенное развитіе его генія въ полной силѣ—фигура Іисуса необыкновенна.

Чима да Конельяно, послѣдняя опора древней школы венеціанской, во многихъ случаяхъ можетъ стоять на ряду съ Беллини и не уступаетъ ему въ набожности *alla Madonna del Orto*.

Карпаччіо принадлежитъ также къ блюстителямъ стиля, одновременнаго Беллини,—по колориту и отдѣлкѣ его называютъ здѣсь венеціанскимъ Рафаэлемъ.

Картина Тиціана «Входъ во храмъ Богородицы» отличается ясностью колорита: яркость—краснаго, желтаго, бѣлаго, разставленныхъ въ народѣ на главныхъ фигурахъ, и сзади ихъ сильно написаннаго ландшафта, съ другой стороны первосвященника, одѣтаго въ желтую и красную ризу, и другаго въ бѣлую и синеватую, съ окружающимъ ихъ грязноватымъ тономъ строеній,—дѣлаетъ эту картину брилліантовою.

«Бракъ въ Канѣ Галилейской» роскошно вылился изъ свободнаго генія Павла: непринужденность въ положеніи фигуръ, ихъ разнообразіе и украшеніе, хотя часто своевольны и капризны, дѣлаютъ эту картину роскошною. Но бѣда подражателямъ Павла! Архитектура занимаетъ большую половину сей картины. *Lanzi* говоритъ, что Павелъ превзошелъ Тиціана въ легкости колорита. Мнѣ кажется, что легкость въ сей картинѣ есть недостатокъ—она кажется декорацией. «Коронованіе Богоматери» исполнено фантастическихъ чувствъ: три ряда сидящихъ на облакахъ фигуръ искусно связаны

разнородными полутонами и тѣнями, падающими то отъ облаковъ, то отъ фигуръ и другихъ предметовъ.

Бонифаціо принадлежитъ къ числу тѣхъ художниковъ, о коихъ нельзя сказать ни худа, ни добра: во многихъ случаяхъ онъ похожъ на средственнаго Тиціана, вообще однообразенъ и не заманчивъ.

Лучшее произведеніе Тиціана можно видѣть въ галлерей Манфрини, въ двухъ картинахъ. — Одна представляетъ три портрета, горячо написанныхъ и строго нарисованныхъ: женщина въ три четверти, мужчина въ профиль, и мальчикъ позади его. Сила красокъ необыкновенная: въ цвѣтѣхъ лѣтъ умершій художникъ запечатлѣлъ тутъ гениальный свой выходъ изъ сухости старинной школы. — Вторая представляетъ поясной портретъ женщины, держащей гитару; здѣсь бѣлая драпировка написана для вѣковъ, искусственная величественность главныхъ ея партитовъ и совершенное подражаніе натурѣ въ деталяхъ, со всѣми ихъ измѣнчивостями, сочетались здѣсь до *nes plus ultra*. Какая гармонія полутоновъ и, утешенныхъ къ темному грунту, тѣней бѣлой драпировки и смѣсь чернаго спензера, помѣщеннаго между бѣлою рубашкой!

Картина въ S. Crisostomo, въ главномъ алтарѣ, утѣшаетъ васъ за потерю Джіорджіоне. Себастьянъ Пюмбо гениально подражаетъ тутъ молодому своему учителю: въ головахъ женскихъ, чтò на лѣвой рукѣ отъ зрителя, отпечатанъ стиль великаго Джіорджіоне. Лучшее произведеніе старшаго Пальма — образъ св. Варвары, въ церкви «Марія Формоза». Дѣйствительно, онъ тутъ необыкновенно легокъ въ обдѣлкѣ, удерживая при томъ жизнь контурную и остановки массивныя. Тоны сей картины, какъ и другихъ сего мастера, весьма теплы и безъ принужденія. Его-же, въ частной галлерей Selvi, «Св. Семейство» написано брилліантовымъ образомъ: сквозность холста бережена повсюду, мягкость переходовъ изъ тѣни къ свѣту и обратно — неподражаема. Порденоне отличается величественнымъ пріемомъ стиля и крупной композиціей. Его картины, представляющія католическаго священника — монаха, коричневаго цвѣта, и Иоанна Крестителя нагаго, обращеннаго спиною къ зрителю, ручаются за его безсмертіе. Лучшія произведе-

денія Тиціана, послѣ академіи, находятся въ разныхъ мѣстахъ: въ церкви Fgari—Богоматерь сидящая и ея Иисусъ младенецъ, стоящій внизу апостолъ Маркъ, еще ниже фамилія, заказавшая картину, — это произведеніе самаго лучшаго времени Тиціана, надъ которымъ онъ трудился 6-ть лѣтъ; не знаю, предпочеть-ли его «Ассунтъ», или наравнѣ поставить. Въ церкви «Giovanni e Paolo», — «Мученіе Петра» есть, безъ сомнѣнія, совершеннѣйшее произведеніе сего мастера: ландшафтъ съ купидонами написанъ въ часъ Тиціанова восторга.

Въ галлерей Барбариго, въ числѣ четырнадцати картинъ Тиціана, отличаются: «Магдалина» и «Венера»: это—перлы, украшающіе Венецію. Въ галлерей Манфрини, «Снятіе со креста» поражаетъ васъ расположеніемъ тѣней и свѣтовъ: ноги Иисуса съ бѣлой драпировкой, спина несущаго тѣло съ правой стороны—необыкновенны! Чтò за отдохновеніе тѣней въ этой картинѣ! Чтобы Павла оцѣнить, надо быть въ Палаццо Дукале. Плафоны его есть душа всѣхъ живописей въ семь родѣ: онъ тамъ и силенъ, и легокъ колоритомъ. Зала «Совѣта Десяти» блеститъ произведеніями Павла; бібліотека увѣнчана огромнымъ плафономъ, представляющимъ «Коронуящуюся Венецію». Его «Европа» — одно изъ красивѣйшихъ произведеній въ живописи. Въ церкви св. Севастіана также находится немалое собраніе произведеній Павла, а въ галлерей Пизани его «Даріева фамилія» считается за самое лучшее произведеніе сего мастера.

Послѣ Венеціи, Падуа мнѣ показалась пустымъ городомъ; картины венеціанской школы малочисленны. Тиціана «Младенецъ Иисусъ съ Маріею» — украшаетъ Duomo (въ сакристіи). Веронезе превосходенъ въ запрестольномъ образѣ Capella Maggiore и S-ta Giustina: ангелы или херувимы посреди картины заняты мотивомъ съ летящихъ голубей на piazza San Marco; ангелы, сидящіе въ плафонѣ у подножія Саваоа, — превосходны: они подернуты сіяніемъ славы Творца. Церковь Св. Антонія красится болѣе драгоцѣнностью металловъ и камней, нежели ума и вкуса: она имѣетъ видъ весьма пышный, въ особенности capella S. Antonio.

Въ церкви Благовѣщенія я отдохнулъ отъ тоски, внушаемой городомъ. Тутъ вся капелла уписана Джіоттомъ (Giotto) и

въ довольно хорошей сохранности. Джіотто имѣетъ стиль, достойный наблюденія въ сочиненіи фигуръ и экспрессій; новость и непринужденность мотивовъ составляютъ важное достоинство сихъ фресокъ. Кафе въ опустѣлой Падовѣ играютъ важную роль. Дворцы, церкви и улицы носятъ печать унылости, запущенности и опустѣнія; во многихъ едва встрѣчаемъ людей. Я одно утро только посвятилъ на обзорѣніе города, а теперь ѣду въ Виченцу, въ надеждѣ видѣть по дорогѣ прекрасныя мѣстоположенія и заглянуть на Чертозу, мною невидѣнную.

Ничего не могу сказать въ похвалу женщинъ, ибо фриулянки, обворожившія меня въ Венеціи, совершенно заняли мое вниманіе; прекрасныя, онѣ рядятся постоянно въ красныя платья съ черными передниками, въ мужскія шляпы, совсѣмъ не закрывающія затылка, и, слѣдовательно, роскошныя косы, красиво заплетенныя, видѣются густыми массами. Волосы составляютъ отличительное свойство венеціанскихъ женщинъ. А какъ онѣ приспособили походку подъ коромыслами—я этого и передать не въ силахъ. Онѣ ходятъ какъ-то скоро, мягко, по большей части босыя, взоры ваши любятъ прекрасной формою. Между этими обворожительными фриулянскими женщинами много и бѣлокурыхъ. Дорога, ведущая изъ Падуи въ Виченцу, разсажена гирляндами винограда, но, впрочемъ, она болѣе отличается обильнымъ плодородіемъ почвы, нежели прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Виченца—городъ прекрасный, онъ лежитъ на холмахъ и украшается небольшими рѣками и иногда прибрежными кустарниками, группирующимися съ домами. Piazza dei Signori есть лучшая, послѣ св. Марка, площадь: она украшена почти такими же двумя колоннами и отличнымъ зданіемъ Палладія, здѣшняго уроженца. Эта громадная зала, на подобіе падуанской, обнесена счастливою и богатѣйшею колоннадою въ два этажа; во внутренности галереи, примыкающей къ сей залѣ, я видѣлъ много произведеній Montagna, Cima da Conegliano, и лучшее произведеніе Бассано, а также Вандика «Четыре возраста человѣка» (Montagna долженъ быть современникъ Беллини,—въ немъ, какъ и у Франческо Франчіа, примѣтны національныя головы). Тинторетта «Св. Амвросій, летящій

въ небо»—весьма хорошо сгруппированъ съ облаками холоднаго и темноватаго тона. Дюмо болѣе славится готическою фасадою, нежели внутреннею красотою высшаго искусства. Въ церкви S-ta Corona, «Волхвы» Павла Веронеза и «Крещеніе» Gian Bellini достойны особеннаго вниманія. Въ церкви св. Стефана «образъ Богородицы, св. Георгія и Екатерины» есть самое лучшее произведеніе Пальма старшаго: онъ тутъ превзошелъ самого себя. «La Madonna di Monte»—прекрасная картина Павла Веронеза мнѣ нравится болѣе, нежели его «Сена» въ Венеціи: она тутъ болѣе имѣетъ единства и связности. О Павлѣ можно сказать, что онъ любилъ новую сторону живописи, которая превосходна только въ немъ самомъ. Строенія, занимающія большую часть его картинъ, бѣлизною своею отдѣляютъ темныя фигуры, кои писаны всегда смѣло, и рѣдко ласировкою, отчего встрѣчаемъ иногда какую-то вяловатость въ тонахъ платья, которая, однакожъ, подъ геніальною кистью Павла не кажется недостаткомъ. Онъ часто употреблялъ узорчатыя полосатыя платья, которыя много мѣшаютъ стилю драпировки. Но у Павла и этого нельзя назвать грѣхомъ—столь геніальны его произведенія.

Театръ Olimpico принадлежитъ къ одному изъ чудесъ архитектуры. Говорятъ, что сцена, освѣщенная огнями, коихъ зритель не видитъ, даетъ строенію видъ солнечнаго волшебнаго освѣщенія, и въ то же время строеніе сіе, малымъ своимъ масштабомъ и искусственною перспективою, придаетъ фигурамъ дѣйствующимъ какую-то необыкновенную колоссальность. Освятить и упорядочить его стобитъ каждый разъ около 800 франковъ—вотъ почему столь рѣдко онъ бываетъ употребленъ. Во время праздника въ день Corpus Domini, Vicentini возятъ по городу огромную колесницу, съ конями и всадниками изъ дерева, въ память побѣды, древле одержанной надъ падуанцами, коихъ вичентинцы и до сихъ поръ ненавидятъ, такъ какъ феррарцы—болонезцевъ. Гроты подземные въ двухъ миляхъ отъ Виченцы служили вѣрнымъ убѣжищемъ во время нападенія падуанцевъ.

Верона—городъ обширный и опрятный. Фасады и внутренности домовъ, дворцовъ и церквей часто разнородныхъ мраморовъ, прекрасные троттуары и широкія улицы поражаютъ

и восхищаютъ глазъ путешественника. Также окрестныя горы и холмы, выказывающіеся въ отдаленіи, связываютъ строенія самымъ счастливымъ образомъ; природа имѣетъ видъ серьезный, но пріятный. Съ мостовъ въ особенности надо видѣть городъ, чтобы получить понятіе о его характерѣ. Адиджъ стремится величественно. Веронезцы не имѣютъ постоянныхъ лицъ (экспрессій), которыя бы обрисовали ихъ національность. Женщины и дѣвочки обворожительны своими фигурами, осанкой и тонкими покрывалами, черными и по большей части бѣлыми. Въ церквахъ онѣ производятъ большое впечатлѣніе. Въ каедральной церкви, «Ассунта» Тиціана можетъ равняться съ его картиной сего сюжета въ Венеціи, хотя настоящая написана прежде. Облака здѣсь написаны легче и желтѣе, они удивительно растушеваны; желтое сіяніе кругомъ темно-сине-грязнаго платья Богородицы и грязно-голубое небо между апостолами и облаками утушеваны самымъ гармоничнымъ образомъ; апостолы имѣютъ тоны платьевъ разныхъ цвѣтовъ, и иногда совершенно темныя или черныя, но прозрачность грунта бѣлаго, съ красниной въ темныхъ мѣстахъ картины, сохраняется повсюду. Тиціанъ въ этой картинѣ кажется совершенно развитымъ, мягкость его гармонической кисти насколько не препятствуетъ жизни картины.

Въ церкви S. Zeno мы видѣли картину Mantegna масляными красками на деревѣ; она носитъ на себѣ характеръ націи, набожность того времени и тщательность художника.

Въ церкви св. Анастасіи мы видѣли картину Каротто, одного изъ лучшихъ подражателей Тиціана.

Въ госпиталѣ della misericordia видѣли Pietà, писаную Orbetto, который лучший подражатель хорошаго стиля.

Въ церкви св. Павла, «Богоматерь со святыми» есть почти лучшая вещь Павла, и совершенно различна съ тою картиною, которую мы видѣли въ S. Giorgio: здѣсь онъ нашель эффектъ, и въ композиціи болѣе общаго, болѣе связи. Богоматерь между двухъ колоннъ коринескихъ, хорошо замалеванныхъ, кажется освященною солнцемъ; голый Ребенокъ—между рубашкой Матери, которая самыхъ блестящихъ красокъ. Въ S-ta Maria in organo мы замѣтили лучшее произведеніе Carotto. Этотъ мастеръ замѣчателенъ тѣмъ, что сажаетъ Анну

вмѣстѣ съ Богоматерью и Иисусомъ младенцемъ на облакахъ; онъ подражатель хорошаго стилиа. Арена хорошо сохранена внутри, но фасадъ занятъ самыми плохими лавочками, и, чтобы сказать лучше, почти всѣ арки заняты телѣгами самыми простыми. Арена имѣетъ большую площадь съ публичной прогулкой.

Филармоническій театръ—одинъ изъ лучшихъ во всей Итали: портикъ, изъ шести колоннъ іоническаго ордера, служить входомъ (Палладія), съ карнизомъ деревяннымъ; дворъ, прибавленный къ этому портику, имѣетъ дорическія колонны, между коихъ видны древніе монументы и надписи еврейскія, греческія, римскія и египетскія. Болѣе замѣчательны орнаменты, выкопанные въ Аренѣ и въ другихъ мѣстахъ Вероны, между которыми находится прекрасный торсъ Мелеагра. Внутренность театра весьма хорошо расположена.

Чертоза веронская теперь строится; будетъ она очень хороша, судя по тому куску, который уже выстроенъ; все — ордера дорическаго.

На половинѣ дороги изъ Вероны въ Брешию озеро имѣетъ видъ магической нескопированной перспективы: крутыя горы съ чертою озера неподражаемы, вы уноситесь воображеніемъ въ промежутокъ, что вдоль озера.

Брешия имѣетъ окрестности очаровательныя. Городъ вообще веселый и пріятно расположенный. Лучшее, что я видѣлъ,—это музей Patria, или храмъ Геркулеса, за семь лѣтъ до сего времени открытый и довольно сохраненный, заключаетъ въ себѣ не только карнизы, капители и части статуй, найденныхъ съ его открытіемъ, но и куски или фрагменты, найденные въ другихъ частяхъ города и пожертвованные хозяевами въ сей музеумъ, выстроенный на счетъ города. Въ семъ храмѣ особенно замѣчательна статуя, бронзовая, въ натуральную величину, отличной работы; другіе орнаменты—бронзовые, также необыкновеннаго искусства. Въ галлерей графа Този замѣчательна картина Рафаэля, ученика Перуджино, весьма замѣчательная по своей отдѣлки. Тамъ же есть и другія картины лучшихъ мастеровъ, кои, однакожь, не очень занимательны. Галлерей Лекки, вмѣстѣ съ церквами города, можетъ дать понятіе о Моретто; онъ похожь на Павла, только

тщательнѣе гораздо въ отдѣлкѣ и менѣе геніаленъ. Въ библиотекѣ я видѣлъ, между прочимъ, эстампъ Лебрена—«Змѣй въ пустынѣ». Въ церкви св. Афры я видѣлъ лучшаго Тиціана—«Христосъ и блудница». Эта картина потому лучшая, что лучше мастера нѣтъ въ Брешии. Въ сей же церкви я нашелъ картину Павла: мученіе какой-то святой.

Дорога изъ Брешии въ Бергамо—самая пріятнѣйшая; съ правой стороны она разнообразно коронуется вершинами Альповъ. Плодороднѣйшія поля, пересѣкаемыя иногда между бѣгущими рѣчками, очаровательны. За три или четыре мили вы видите Бергамо на одномъ изъ холмовъ альпійскихъ, позади коего возвышаются гигантскія вершины, иногда снѣжныя. Предмѣстья города весьма отдалены отъ центра, вотъ почему онъ утомителенъ для путешественника. Въ каѳедральной церкви, въ куполѣ, фрески Гогета совершенно разрушились бы мое объ немъ понятіе, еслибы въ церкви San Michele in arco не встрѣтилъ бы его картины, представляющей «Вѣнчаніе Св. Екатерины съ Иисусомъ младенцемъ»,—картина колоритна.

Въ муниципальномъ дворцѣ хвалятъ «Вечерю тайную» Аллори, но я имѣю антипатію къ сему мастеру; тутъ-же портретъ, Тиціаномъ писанный, и планъ фасада и профиль сего строенія, руки самаго Браманте.

Церковь Maria Maggiora любопытна своей архитектурой вѣковъ среднихъ. Въ умахъ бергамасцевъ она есть самое лучшее строеніе свѣта. Нѣкоторые плафоны Бассано заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ академіи Саггага многочисленное собраніе картинъ, изъ коихъ двѣ «Вакханаліи» скопироваль съ Тиціана Падованино—превосходно: женщина вакханка найдена неподражаемо, бѣлое платье на рукѣ прекрасно, двѣ женщины, сидяція на второмъ планѣ, малы. Но лучшія произведенія находятся на квартирѣ профессора здѣшняго, Діотти: Тиціана «Св. семейство», Корреджіо тоже, Скидоне «Иисусъ младенецъ лежащій», въ Корреджіовскомъ стилѣ. Три портрета превосходнаго бергамасца Морони; сказываютъ, что онъ лучше Тиціана въ семъ родѣ. Самъ профессоръ работаетъ посредственно, или обыкновенно. Ученики не имѣютъ стиля, но копируютъ натуру хорошо.

Въ Бергамо, какъ и въ Брешии, женщины хозяйничаютъ въ трактирахъ и лавкахъ, что составляетъ какую-то пріятность, въ особенности въ Бергамо, гдѣ довольно часто встрѣчаешь хорошихъ. Национальность состоитъ въ крупныхъ здоровыхъ лицахъ и довольно правильныхъ.

Морони принадлежитъ къ портретистамъ первѣйшимъ. Бокаччіо Бокаччини также почти той же силы.

Миланъ мало имѣетъ вещей, относящихся къ цѣли моего путешествія. «Тайная вечеря» Леонарда-да-Винчи въ совершенномъ разрушеніи. Леонардо выбралъ минуту истинно по своему генію, т.-е. въ то время, когда Спаситель говоритъ: «Единъ отъ васъ предастъ меня». Эта тихая минута представлена Леонардомъ въ различныхъ экспрессіяхъ апостоловъ; разнообразіе впечатлѣній, произведенныхъ словами Иисуса на апостоловъ, выражено самымъ совершеннѣйшимъ образомъ. Здѣсь глава ломбардской школы, Леонардо, торжествуетъ. Что за тихая скорбь въ лицѣ и позѣ Иисуса, что за невинность въ положеніи Іоанна, что за истина въ движеніи Иуды-предателя; съ другого же боку фигура вставшая и спрашивающая: «Не я ли, Господи?» выражаетъ въ полнотѣ и невинность, и скорбь; на концѣ сего бока Юма съ совершенно національной экспрессіей. Ни одна оконечность фигуры не оставлена безъ вниманія въ непревосходной композиціи. Линіи каждой фигуры найдены въ великихъ чертахъ, ни которая не засѣчена, все плавно, величественно изящно (грандіозно). Эстампъ Рафаэля Моргена сдѣланъ съ копій съ сего прекраснаго творенія, сдѣланной ученикомъ Леонардо, Маркомъ д'Оджіоне. Копія сія цѣльнѣе оригинала, но въ ней потеряна грандіозность линій Леонарда. «Распятіе» въ сей же церкви (Madonna delle grazie)—написанное al fresco.

Гауденціо Феррари имѣетъ много достоинствъ, какъ въ величіи стили, такъ и въ группированіи фигуръ. Церкви вообще мало вознаграждаютъ любопытнаго видѣть классическія произведенія ломбардской школы.

Въ монастырѣ св. Мавриція и въ церкви св. Гервія, — въ первомъ фрески, а въ другой масляными красками работа Бернардино Луини, — утѣшаютъ любопытнаго.

Луини (въ церкви св. Гервія) представляетъ «Снятіе со

креста»; картина, какъ и другія его произведенія, отличается выраженіемъ головъ, чѣмъ въ особенности занималась въ цвѣтущее время ломбардская школа. Дворецъ королевскій содержитъ въ себѣ фрески Аппіани, знаменитаго живописца новѣйшаго времени. Они представляютъ «Тріумфы Наполеона». Лучшій изъ нихъ—Наполеонъ, несомый геніями, а другіе геніи сзади, подносящіе ему разныхъ націй короны. Впрочемъ, евангелисты на парусахъ въ церкви св. Чельсія есть лучшее сего мастера. Аппіани похожъ однако же на фарфоровую живопись.

Въ Брерѣ собраны лучшія картины Милана. Леонарда-да-Винчи—этюдь на голову Христа и «Святое семейство», половинная оконченная; съ одного и съ другаго я нарисоваль головы. Фрески Луини отличаются выраженіемъ головъ, Марко д'Оджіоне ближе всѣхъ подходитъ къ своему великому маэстро, а Гауденціо Феррари отличается изыскиваніемъ трудныхъ поворотовъ и ракурсовъ челоуѣка; въ «Мученіи Св. Екагерини»—ангелъ, летящій съ мечомъ, весьма счастливо найденъ. Въ семь отдѣленій Бреры находятся превосходныя картины Павла: «Органъ», или три картины—средняя представляетъ «Поклоненіе волхвовъ». Тоны необыкновенны, вся картина имѣетъ темноватые грязные колера фона, а подведенные къ чистымъ первопланнымъ—неподражаемы. Небо синѣ правды, облака рыжеватая, строеніе бѣлое въ сѣромъ густомъ тонѣ. Прочія картины Павла имѣютъ тоже необыкновенный эффектъ: узорчатая, розовая и желтая ризы весьма счастливы; синія платья онъ не зеленилъ по-Тиціановски. Здѣсь его довольно произведеній. Гвидо Рени превосходенъ въ «Петрѣ и Павлѣ», это лучшее его произведеніе. Егоровъ безсовѣстно скралъ сію композицію. Дарисъ Бордоне, какъ и въ Венеціи, отличается подборомъ цвѣтовъ—въ гармоніи сѣровой ли, зеленоватой, красноватой, зеленой ли, желтой,—все подобрано подь общую свѣтлую или темную массу, все заласировано тѣми-же тонами. Креспи (Даніилъ) принадлежитъ къ тѣмъ превосходнымъ живописцамъ, на которыхъ смотрѣть не хочется, послѣ геніальныхъ твореній. Чима да Конельяно не охладилъ моего къ нему вниманія: онъ и тутъ и свѣжъ, и разборчивъ, и простъ, и святъ въ положеніяхъ и чистотѣ колеровъ. Карпачіо chi-

аго-сцего и тутъ неподражаемо. Марко д'Оджіоне весьма близокъ къ своему маэстро. Его ангель, съ двумя другими поражающій діавола,—превосходенъ. Рафаэля «Sposalizio» ¹⁾ исполнено съ чувствомъ, отдѣлка въ этой картинѣ неимовѣрна.

Въ одномъ отдѣленіи Бреры находятся программы, получившія преміи; изъ нихъ «Ипполитъ падающій съ колесницы» есть лучшая; Ассія «Лаоконъ» болѣе даетъ понятія о возможности скомпоновать сюжетъ сей, нежели въ самомъ дѣлѣ онъ есть. Картоны Аппіани (Евангелисты) можетъ быть лучше самихъ фресокъ: они черчены Рафаэлевскою рукою, въ нихъ художникъ искалъ черты вѣрности и красоты, а не скучной отдѣлки. Франароли «Икаръ и Дедалъ»—группъ превосходный. Муссини «Судъ Соломоновъ» отличается хорошимъ манеромъ рисовать, но другой рисунокъ миланезца, подлѣ него висящій, показываетъ болѣе философіи въ сочиненіи: тутъ воинъ, взявъ ребенка и вынимая мечъ отходитъ въ сторону, выполнивъ повелѣніе царя; мать кричитъ, чтобы отдать ребенка соперницѣ, которая конфузно глядитъ на сцену. Изъ числа другихъ сочиненій, тутъ находящихся, замѣчательны по выбору сюжетовъ: «Сократъ выводитъ Алкивіада изъ дома гетеръ»,—«Товій готовится мазать глаза отцу».

Въ библіотекѣ Амброзіанской картоны Рафаэля расчерченъ геніально, изумительно. Мнѣ кажется, надобно не только родиться итальянцемъ и непременно въ средней Италіи, но и съ младенчества свыкнуться, вдаться, отдаться ея прекрасной природѣ, чтобы сдѣлать подобное; но нѣтъ, и сего мало, надобно быть Рафаэлемъ! Чтѣ за свобода въ драпировкахъ, чтѣ за полнота южная, строгая, въ рисунокѣ тѣлѣ, чтѣ за граціозность, грандіозность; онъ искалъ черты вѣрной, строгой и прекраснѣйшей. Рисунки Леонарда неимовѣрно окончены—это миниатюры. Здѣсь Луини въ «Св. фамиліяхъ» превосходенъ: отдѣлка во всѣхъ частяхъ картины сохранена, также какъ и въ головахъ, чтѣ рѣдко встрѣчаешь у сего мастера. Солаини еще ближе къ своему маэстро. Тиціана—«Св. Семейство», гдѣ ангель съ Товіемъ и рыбой написаны сильно и мягко. Оно мнѣ можетъ служить для окончанія Аполлона. Бассано сверхъ ожиданія и свѣтелъ, и красенъ отдѣлкой. «Рождество Іисуса»—я никогда не

¹⁾ Обрученіе.

видалъ столь яснаго Бассано: съ лѣвой стороны—пастухъ спиною, въ желтой рубашкѣ, съ загорѣлымъ тѣломъ, — написано прекрасно; сзади его осель, еще далѣе два пастуха, и сзади ихъ голубь, бѣловатая облака, младенецъ Иисусъ въ прекрасной позѣ и написанъ превосходно, по-Тиціановски. Миланъ вообще городъ красивый, блистательный, опрятный во всѣхъ частяхъ; троттуары и подколесники доставляютъ спокойствіе пѣшимъ и коннымъ, и вмѣстѣ украшаютъ городъ; сады или публичныя аллеи доставляютъ густую тѣнь прогуливающимся, галерея вечеромъ очаровательна: фонари сверху, галантерейныя лавки и кофейныя снизу, освѣщаютъ и блестятъ возможною роскошью товаровъ. Музыка непрерывная и всегда хорошая.

Каедральная церковь спорить съ Св. Петромъ въ величіи. Фасадъ имѣетъ что-то магическое, священное, неизъяснимое,—внутренность поражаетъ огромностью масштаба. Но всего удивительнѣе крыши, лѣстницы и переходы, украшенные то фигурами, то узорами, невѣроятно магическими. Случайно я въ Павіи видѣлъ отличнѣйшій портретъ Рафаэля, имъ самимъ писанный; онъ тутъ лѣтъ тридцати. Экспрессія умная и пріятная: въ шапочкѣ, съ длинными волосами, съ полуоткрытой кистью,—писанъ, оконченъ превосходно на темнозеленомъ грунтѣ. Издали и вообще удивителенъ.

Церкви Павіи мало вознаграждаютъ любопытство живописца (одна изъ нихъ del Carmine—величественна, архитектуры готической); за то Чертоза павійская есть восьмое чудо въ свѣтѣ: картины, рѣзьбы и все прочее сохранено и окончено съ неимовѣрною свѣжестью и цѣлостью. «Распятіе» Боргоньоне можетъ равняться самымъ высокимъ произведеніямъ Рафаэля, въ особенности фигура Иисуса выразительна: торсъ—вытянутый, изящнѣйшей отдѣлки позиція и благородна, и спокойна. Сего иконописца много здѣсь произведений; превосходный фасадъ церкви выстроенъ по его рисунку. Картина, представляющая молящагося монаха, есть произведеніе Карла Корнаро, соперника Тиціана; я сего мастера не замѣчалъ въ Венеціи, а такой превосходный. Макрина d'Alba піемонтская заслуживаетъ также особеннаго вниманія.

Въ одномъ изъ алтарей отличный Перуджино со своей

школой; еслибы не на холстахъ были написаны картины его учениковъ, то можно бы взять ихъ за Рафаэля.

Изъ рѣзбы замѣчательнъ алтарь изъ гиппопотамовыхъ зубовъ, неимовѣрной работы и величины. Камилло Прокаччини очень подражалъ Рафаэлю. Даніело Креспи принадлежитъ къ лучшимъ живописцамъ, современникамъ Карраччи. Въ сакристїи находится запрестольный образъ ученика Леонарда, отличнѣйшей отдѣлки, представляющій «Взятіе Богоматери на небо»; головы апостоловъ ябы хотѣлъ нарисовать, но, испытавъ лѣшкомъ обратный путь въ Павію, я долженъ былъ оставить сіе полезное намѣреніе, ибо въ слѣдующій день, воскресенье, не тздать курьеры водою въ Миланъ, столь благопрїятные для путешественника-эконома. Мало цѣлаго дня, чтобы видѣть великолѣпный храмъ чертозиновъ, сихъ богатыхъ отшельниковъ. Во время энтузіазма католической религіи, жили въ кельяхъ и не иначе видѣлись другъ съ другомъ, какъ на службѣ церковной. Они брили и волосы, и бороды, и одѣвались въ бѣлыя платья. Фамилія перваго дука миланскаго, Висконти, отдала все свои богатства на построеніе и содержаніе сего храма. Дукъ имѣеть здѣсь великолѣпную гробницу.

Я не видалъ Аванчини въ Павіи, но аптекаръ, рекомендованный мнѣ дономъ Багати-Валески, весьма былъ мнѣ полезенъ.

Миланезки отличаются необыкновенною чистотою, какъ въ платьѣ, такъ и въ домахъ своихъ. Онѣ носятъ черныя покрывала, закрываютъ косу, завернутую въ улитку, и спускаютъ концы сего покрывала по всему переднику—это придаетъ фигурамъ ихъ необыкновенную легкость и прїятность; отъ веронезокъ онѣ отличаются тѣмъ, что не покрываютъ плечей покрываломъ. Діалектъ ихъ состоитъ въ произношеніи гласныхъ буквъ на концахъ словъ, и въ примѣси многихъ французскихъ словъ; разговариваютъ протяжно, мѣрно, что дѣлаеть языкъ въ устахъ женщинъ прїятнымъ. Венеціане также утратили гласныя въ окончаніяхъ, и, сверхъ того, вмѣсто *ч* произносятъ *и*, и оканчиваютъ каждый періодъ рѣчи какимъ-то музыкальнымъ повышеніемъ голоса. Кажется, что, разговаривая такимъ образомъ, никогда нельзя дойти до ссоры.

Пиаченца—городъ довольно скучный: конечно, кирпичныя лучшія строенія, какъ и въ Павіи, наводятъ своею темнотою скуку. Piazza dei cavalli имѣетъ дворецъ занимательный, съ многими готическими окнами.

Въ кафедральной церкви весьма хорошо сохранены фрески Гверчино, Карраччи (Лудовика), Креспи и другихъ превосходныхъ подражателей геніямъ пятнадцатаго вѣка.

Церковь Madonna alla Campara изобилуетъ отличнѣйшими фресками Порденоне. «Св. Августинъ съ окружающими его дѣтьми» особенно занимателенъ. Видѣлъ я и осматривалъ картину Камуччини въ церкви Св. Иоанна in Canale; она окончена, много имѣетъ достоинствъ, но мы привыкли отъ новѣйшихъ художниковъ требовать во всемъ строжайшаго отчета, а особливо со стороны исторіи, а тутъ совершенно нѣтъ ничего согласнаго съ нею. Впрочемъ, картина сія есть лучшее произведеніе Камуччини: красота въ рисункѣ довольно занимательна.

Дорога изъ Пиаченцы въ Парму красуется контуромъ Апеннинъ. Мостъ, выстроенный на рѣкѣ Таро, удивителенъ величиною, красотою и крѣпостью. Парма до сихъ поръ кажется мнѣ какимъ-то лазаретомъ, богадѣльней: женщины движутся въ грязно-фіолетовыхъ салопахъ, съ мѣшкомъ того же цвѣта на головѣ, что дѣлаетъ ихъ какими-то больничными надзирательницами. Бѣдныхъ весьма много, стариковъ и старухъ болѣе всего повстрѣчаешь на улицахъ. Гримасть бездна, такъ что нельзя замѣтить національность экспрессіи. Въ музеумѣ древностей есть много любопытныхъ вещей, найденныхъ въ Veleja—городѣ, недавно открытомъ близъ Апеннинъ, въ 30 миляхъ отъ Пармы. Въ Palazzo del Giardino я не совѣтую никому ходить, ибо тамъ совершенно нечего смотрѣть. Фрески лучшихъ болонезскихъ художниковъ поздняго времени весьма много потерпѣли отъ руки реставратора. Въ студіи Тоски много любопытныхъ экстамповъ его руки, также рисунковъ сего мастера, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Онъ теперь занимается гравюрою съ Даніэля-да-Волтерра. Я удивился простотѣ приѣма и обращенія сего великаго мужа. Судя по приѣму директора музеума древностей, Лопеца, и другихъ, посредствомъ его новопріобрѣтенныхъ,

знакомыхъ, надобно замѣтить, что парменіане и услужливы, и обходительны, и добры. Я здѣсь былъ принятъ съ меньшимъ радушіемъ, какъ и въ Венеціи.

Въ монастырѣ св. Павла, мнѣ показали знаменитую картину съ фресками Корреджіо: «Cassia di Diana» ¹⁾. Я изумлялся людямъ, находящимъ въ нихъ достоинство, глядѣль, разглядывалъ со всѣхъ сторонъ, убѣждалъ себя въ пользу художника, и—не нашелъ въ нихъ никакихъ достоинствъ. Какіе то прескучные медальоны, вставленные въ цвѣточную рѣшетку, грузятъ надъ вами сводъ прескучной комнаты; куски однообразныхъ купидоновъ навѣваютъ немалую скуку; колпакъ камина между двумя окнами изображаетъ самую богиню; ея голова хотя и отвѣчаетъ намѣренію художника, но безстыльность, неточная исполнительность, и даже самая грандіозность, царствующая вообще въ сихъ фрескахъ,—довольно скучны.

Въ академіи художествъ собраны всѣ лучшія произведенія, возвращенныя Пармѣ изъ Парижа. Двѣ картины Корреджіо царствуютъ надъ всѣмъ прочимъ. Его «Мадонна св. Иеронима» есть истинный феноменъ живописи: ясность красокъ вмѣщаетъ въ душу зрителя какой-то святой восторгъ. Оживаешь, глядя на его произведеніе: оно свѣтло, какъ ясный день Неаполя, сквозность царствуетъ повсюду. Чтò за прелесть, чтò за грація въ головахъ, чтò за тоны въ драпировкахъ!

Другая его картина представляетъ «Св. Семейство», и имѣетъ такое-же достоинство: тѣни массивны и совсѣмъ не черны, какъ поняли ихъ Карраччи, сквозность повсюду видна, а особливо въ тѣняхъ. Но прочія картины Корреджіо весьма мало имѣютъ достоинствъ, какъ-то: «Иисусъ несущій крестъ» и «Умерщвленіе св. Цециліи». Его купола также весьма скучны, его ракурсы неприятны, неизящны. Пармеджіанино есть самый досадный художникъ; грацію, которую ему приписываютъ, я не понимаю. Скидоне поражаетъ своимъ эффектомъ и вкусомъ: его «Pietà» и «Ангель съ мироносицами» неподражаемы, бѣлое платье у послѣдняго истинно бѣло, какъ снѣгъ.

Въ Кастель-Франко я видѣлъ «Ассунту» Гвидо; какъ онъ блѣденъ въ сравненіи съ Корреджіо! Эта его картина è un

¹⁾ Охота Дианы.

саро d'орета ¹⁾. Вообще Карраччи, съ своей школой, много потеряли въ глазахъ моихъ, со вторичнаго прїѣзда въ Болонью: сквознота темныхъ мѣстъ картины замѣнена чернотою, все прочее писано на красномъ грунтѣ, слѣдовательно тяжело и грустно.

XXXXVIII.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Начало 1835.)

Батюшка! Долго ожидалъ я отвѣта на то письмо, гдѣ была вложена бумага къ Жуковскому.

Вы мнѣ говорите, что заводится въ Москвѣ рисовальная школа, и о желаніи вашемъ занять тамъ мѣсто учителя,—я истинно радовался бы, еслибы это сбылось. Извѣстите меня, пожалуйста, подробнѣе и немедленно объ этомъ. Кто такіе тамъ члены?—я, можетъ быть, буду имѣть случай просить здѣсь, въ Римѣ, кое-кого о ходатайствованіи по сему дѣлу. По прїѣздѣ моемъ въ отечество, я бы весьма желалъ поселиться въ Москвѣ, какъ для удобнѣйшаго производства предметовъ изъ русской исторіи, такъ и для избѣжанія с.-петербургской Академіи Художествъ, которая со всѣмъ своимъ причтомъ ужасаетъ меня при одномъ воспоминаніи.

Весьма радуюсь, что мнѣ еще на два года отсрочена жизнь, и благодарю васъ и Григоровича за исходатайствованіе,—воспользуюсь симъ краткимъ временемъ, сколь силы позволяютъ. Для копіи фреска подъ названіемъ «Disputa del Sacramento» надобно времени пять лѣтъ, кромѣ тѣхъ двухъ, кои мнѣ теперь прибавили. Слишкомъ непростительно было бы, еслибъ я отъ нея отказался, но чтѣ вы скажете на семилѣтнюю отсрочку?

Векселя все нѣтъ. Это меня заставляеть сомнѣваться объ отсрочкѣ моего пенсіона.

Какъ грустно родиться нищимъ, чувствовать это въ полной степени, и не видѣть ничего впереди, для поправленія своего состоянія!

Работы мои остановились, и я похожу теперь болѣе на движущійся истуканъ, или на скота, получившаго ударъ обуха въ голову.